

— ... Таким образом, обе части выражения равны, что и требовалось доказать, — преподаватель подчеркнул результат обширных вычислений двумя жирными линиями, оставил мел на полочке у доски и стал вытирать пальцы носовым платком. Потом внимательно оглядел аудиторию поверх очков. — Если у кого-то есть вопросы, пожалуйста, задавайте.

Но желающих углубиться в тонкости высшей математики не нашлось. Совсем другие переживания занимали молодые умы и сердца в этот погожий денек. Солнце щедро поливало все вокруг своими золотистыми лучами, а из приоткрытой фрамуги в помещение проникал птичий щебет и пьянящие ароматы поздней весны.

— Учтите, — внушительным тоном продолжал преподаватель, — что тема очень важная, поэтому прошу отнестись к ней максимально серьезно. В семестровой работе подобные задания обязательно будут, так что потом пеняйте на себя. И о поблажках даже не мечтайте! Однако и этот веский довод не произвел должного эффекта. Студенты изнывали от скуки, мечтая только об одном — поскорее вырваться из пыльных стен alma mater.

— Что ж, если вопросов нет, все свободны.

Аудитория вмиг наполнилась грохотом стульев, веселыми голосами и смехом. Долой цифры, да здравствует свобода!

— Пономарева, задержитесь на минутку, мне нужно с вами поговорить.

Маша страдальчески вздохнула. Начинается!... Сложные математические выкладки были для нее настоящей китайской грамотой. Честно говоря, на этот факультет она попала вовсе не из-за любви к точным наукам, а по указке заботливых родителей, которые хотели видеть любимую дочь обладательницей престижного диплома. Спорить с ними было бесполезно.

Впрочем, на протяжении почти двух курсов учеба не приносила Маше особенных забот. В качестве своеобразной компенсации за непререкаемую волю предки одарили свое чадо превосходными внешними данными. Длинные стройные ноги, упругая попа идеальной формы, высокая грудь третьего размера и бездонные серо-голубые глаза с длинными густыми ресницами бередили воображение не только сокурсников, но и практически всего педагогического состава, который в основном состоял из мужчин. Маша отлично понимала ценность своей природной красоты и умело ею пользовалась. Томный вздох, соблазнительный взгляд, невзначай расстегнутая пуговка и вот дрожащая рука преподавателя уже выводит в зачетке отметку об успешно сданном зачете или экзамене. К чести ученых мужей следует сказать, что дальше фривольных комплиментов дело не заходило. Так что наперекор своей совести девушка не шла ни разу.

Единственным неприступным бастионом оставался доцент кафедры высшей математики Николай Степанович Кислицын, которого за фамилию и соответственное выражение лица студенты прозвали Кислый. Этот немолодой мужчина был абсолютно равнодушен к эротическим ухищрениям эффектных красавиц. Хотя судя по высокой подтянутой фигуре и довольно симпатичному волевому лицу, лет тридцать назад Кислый наверняка был изрядным ловеласом и разбил не одно девичье сердце. Но теперь кроме математических формул и уравнений для него, кажется, вообще ничего в мире не существовало.

— Что же мне с Вами делать, Пономарева? — со вздохом произнес Кислицын, когда за

последним студентом закрылась дверь.

«Трахни, если сумеешь, старый козел» — со злой усмешкой подумала Маша, но вслух сказала, потупив невинный взор:

— Не знаю... Я же стараюсь...

— Плохо стараетесь, Пономарева, очень плохо! — Николай Степанович порывлся в кипе бумаг на столе, нашел Машину контрольную работу и показал ее девушке. — Это же совсем никуда не годится. Ни одного правильного ответа, Пономарева. Ни одного! Как Вы собираетесь сдавать экзамен, я просто не представляю.

Кислый замолчал, и, глядя в окно, барабанил пальцами по столу. Маше нечего было ответить на его, в общем-то, справедливое возмущение и она продолжала хранить напряженное молчание.

Впрочем, — продолжил доцент, — я мог бы пойти Вам навстречу. Думаете, не понимаю, — молодая, красивая, голова занята всякой любовной чепухой. Куда уж тут до высшей математики...

Девушка с удивлением посмотрела на преподавателя, еще не совсем понимая, куда он клонит. Но подобные слова в его исполнении были полной неожиданностью. Николай Степанович заметил реакцию Маши.

— А Вы меня считали бездушным зверем? — спросил он с усмешкой, которая и вовсе была для него явлением нехарактерным. — Напрасно, напрасно... Сам был молод, горяч. Да и сейчас еще в старики записываться не собираюсь. В общем, если Вы согласитесь посетить мое скромное холостяцкое жилище, мы могли бы в непринужденной обстановке обсудить Вашу дальнейшую академическую судьбу. Скажем, сегодня в шесть. Искренне хочу Вам помочь, поэтому надеюсь, что Вы отнесетесь к моему предложению с пониманием. Положению Вашему не позавидуешь, так что подумайте. Хорошо подумайте.

Изумление в Машиной душе достигло максимальной точки. Она молча смотрела на Кислицына широко раскрытыми глазами. Так вот в чем дело! Не так уж прост оказался доцент, и девушка слишком поздно поняла всю степень его коварства. Этот опытный паук долго и умело плел свои сети, чтобы в решающий момент напасть, не оставляя жертве никаких шансов.

— Итак?... — прервал Николай Степанович неловкую паузу. Несмотря на явное превосходство, в его голосе звучало плохо скрываемое волнение.

— Я подумаю, — произнесла Маша бесцветным голосом.

— Хорошо, хорошо, — улыбнулся доцент, подняв руки в знак благосклонности. — Не тороплю. И все же буду ждать сегодня в шесть. Сейчас запишу адрес...

В полной растерянности Маша дошла до дома. Ее соседка по съемной квартире, Оля, куда-то собиралась, дополняя перед зеркалом броский макияж последними штрихами.

— О, Машуха, как житуха? — бодро сказала она. Но, заметив, что на подруге нет лица, отложила кисточку и с тревогой спросила:

— Ты что это такая мрачная? Случилось чего?

Маша передала ей содержание недавнего разговора с Кислицыным. Оля возмущенно всплеснула руками:

— Вот же старый... — с чувством воскликнула она, добавив еще парочку непечатных слов в адрес доцента. — Кем он себя считает?! Да не переживай, Машка, никто тебя не отчислит, ты же на контракте. В случае чего пойдешь прямо к декану, этого извращенца вонючего за такое

быстро уволят.

Оля еще раз критически окинула свой образ в зеркале и торопливо направилась в прихожую. Прежде чем покинуть комнату, она обернулась к Маше:

— Все, я побежала. Смотри мне тут, не шали, — она шутливо погрозила подруге накрашенным пальчиком. — И не забивай голову всякой ерундой! Мы еще покажем этому Кислому небо в алмазах. Тоже мне — академик затраханный!..

И она быстро исчезла, оставив после себя лишь аромат духов. Через минуту за ней уже закрылась входная дверь.

Маша присела к зеркалу и печально уставилась на свое отражение. Девушка прошла в комнату. Страх прошел, уступив место любопытству. С удивлением она отметила чистоту и опрятность холостяцкого жилища. Добротный ремонт, дорогая мебель, современная аудиосистема, плазменная панель на стене, приятный запах мужской парфюмерии. Кислицын умел жить. Настоящие апартаменты опытного сластолюбца.

— Ну, как вы тут, не скучаете? — Маша вздрогнула от неожиданного голоса за спиной. Доцент ставил на низкий столик красивую тарелку с ароматным печеньем, кофейник, миниатюрные чашки. — А я вот решил немного пострелять по такому случаю. Все один да один, знаете ли, гости приходят редко.

В своей заботливой расторопности и этом наивном фартуке Николай Степанович напоминал доброго дедушку, который радостно встречал любимую внучку. В какой-то момент Маше даже стало его немного жаль.

— Вот вроде бы и все, — сказал Кислицын, оглядывая результаты своего гостеприимства. Потом снова исчез на кухне и через минуту появился уже без фартука, на ходу поправляя воротник рубашки. — Да Вы присаживайтесь, Машенька!

Девушка присела на мягкий стул, положила ногу на ногу, от чего короткая юбочка поднялась выше всех разумных пределов, максимально обнажив молодые крепкие ноги в соблазнительных чулках. Доцент украдкой оценил это волнующее зрелище, а потом опустил глаза и стал разливать кофе по чашкам. При этом руки его заметно подрагивали.

— Я, вообще, кофе не пью, — объяснил он нарочито веселым голосом, — сердце, знаете ли. Но сегодня не откажу себе в удовольствии.

Решив не откладывать задуманное в долгий ящик, Маша продолжила свой заранее отрепетированный спектакль.

— Душновато у Вас, Николай Степанович, — произнесла она томным голосом и стало медленно, пуговка за пуговкой, расстегивать полупрозрачную блузку. Потом сняла ее и аккуратно повесила на спинку стула. Далее, не обращая внимания на ошеломленного доцента, повернулась к нему спиной и, эротично виляя попой, избавилась от юбочки, оставшись в итоге в чулках, кружевных трусиках и таком же бюстгальтере. Потом как ни в чем не бывало уселась на стул в прежней позе.

— Вы, кажется, предлагали кофе? — обратилась она к застывшему Кислицыну, невинно хлопая длинными ресницами.

— Да-да, конечно... Просто Вы так неожиданно... Я думал, что... — залепетал доцент.

— Бросьте, Николай Степанович. Разве мы здесь собрались не ради этого? Так чего же терять время?

Она взяла из рук доцента кофейник и поставила его на столик. После чего заставила его сесть на диван. Кислицын безропотно подчинялся. Маша стала двигаться перед ним в медленном

танце под легкую музыку, которая все это время негромко лилась из динамиков. Через некоторое время бюстгальтер занял свое место рядом с блузкой. Девушка плавно прогибалась и кружилась, давая доценту возможность по достоинству оценить все волнующие изгибы и округлости своего прекрасного тела. Видя, что мужчина окончательно размяк, она подошла к нему, опустилась на колени и стала расстегивать брюки. Кислицын слабо попытался ее остановить, но Маша была настроена решительно.

Наконец, она извлекла на поверхность член доцента. Он имел довольно внушительные размеры и в свое время был явно способен на многое. Но сейчас мягкой безжизненной колбаской лежал в девичьей руке. Маша принялась сдвигать дряблую кожу, обнажая лиловую головку. Николай Степанович часто задышал, бормоча какие-то бессвязные слова. Но после пяти минут тщетных Машиных усилий эрекция так и не наступила. Тогда девушка снова поднялась на ноги, сняла трусики и села на стул, широко расставив ноги. Доцент, практически не мигая, наблюдал за ее действиями.

Маша провела рукой по своим половым губкам. Потом раздвинула заветную складочку, демонстрируя Кислицину свой клитор. Несколько раз погрузив пальцы во влагалище, она страстно их облизала, после чего подошла к доценту, взяла его руку и потерлась промежностью о тыльную сторону ладони. Ощущение нежного девичьего лона произвело на Кислицина нужный эффект. Его член вздрогнул и стал медленно увеличиваться в размерах. Конечно, его твердость была далеко от идеала, но с такой эрекцией уже можно было что-то делать. Маша стала усиленно мастурбировать член Николая Степановича.

— Ох, Машенька, пожалуйста, немного потише, — задыхаясь, шептал доцент. — Прошу Вас! «Ну уж нет! — со злостью подумала девушка. — Я тебе покажу непринужденную обстановку, кобель ты старый!». Она сильнее сжала член, ускоряя и без того быстрый темп. Рука доцента потянулась к Машинной груди, стала гладить ее, слегка сжимать и тереть сосок. Девушке это было несколько неприятно, но, стиснув зубы, она продолжила свои действия. Она уже начала немного уставать, когда Кислицын вдруг мелко задрожал, шумно вздохнул и стал извергать капли спермы. Кончал он недолго и вскоре, закатив глаза, расслабленно откинулся на спинку дивана.

Маша брезгливо вытерла руку салфеткой и прошла по комнате. Представление продолжалось, главное, не понижать градус сексуального напряжения.

— Как Вам начало, Николай Степанович? По-моему, неплохо, а? — игриво обратилась она к доценту. Тот не ответил. Маша обернулась, и холодная игла страха резко кольнула ее в сердце. Доцент в прежней позе полулежал на диване со спущенными брюками. Глаза его были закрыты, на лице застыло умиротворенное выражение, обмякший член покоился на ноге.

— Николай Степанович, что с Вами? — девушка подбежала к преподавателю и стала испуганно трясти его за плечи, хлестать по щекам, но Кислицын упрямо не подавал признаков жизни.

«Неужели умер? Только этого мне не хватало!» — пронеслось в голове у Маши. Дрожащими руками она достала из сумки зеркальце и поднесла его к носу доцента. Поверхность запотела, значит, мужчина дышал. Дико волнуясь, Маша стала нажимать кнопки мобильного.

— Алло, «скорая»! Ч-человеку плохо!..

После короткого стандартного диалога с дежурной девушка, едва не плача, села на стул, в отчаянии заламывая руки. Потом вспомнила, что из одежды на ней в данный момент только

чулки, вскрикнула и стала спешно одеваться. Принеся из ванной влажное полотенце, она аккуратно вытерла член доцента от следов спермы и натянула брюки на чресла Кислицына. Выключила музыку.

Вскоре в дверь позвонили. Маша бросилась в прихожую и вернулась в комнату в сопровождении пожилой женщины-врача и молодого медбрата.

Вовремя, очень во время, — сказала женщина, делая доценту укол. — Нужно срочно госпитализировать! Леша, скорее несите носилки.

Медбрат спешно покинул комнату. Маша испуганно наблюдала за действиями врача, потом спросила дрожащим голосом:

— Скажите, он будет жить?

— Не скрою, положение серьезное, — озабоченно покачала головой женщина. — Если сердце выдержит, то будет. Вы ему кто?

— Племянница, — зачем-то соврала Маша.

Женщина скептически оглядела наряд девушки, накрытый стол, но промолчала. Потом быстро заполнила какой-то документ и протянула Маше:

— Распишитесь вот здесь... Племянница...

Тем временем медбрат Леша вернулся с еще одним мужчиной. Они стали бережно укладывать доцента на носилки...

Через несколько дней Маша в белом халате вошла в одну из палат кардиологии. На больничной койке у окна она сразу заметила бледного Кислицына.

— А, Машенька, здравствуйте, — слабым голосом приветствовал он девушку.

— Как Вы, Николай Степанович?

— Уже лучше, спасибо. Да Вы присаживайтесь. Испугал я Вас, милая моя. Не рассчитал силенок, старый болван, — Кислицын криво улыбнулся, потом понизил и без того тихий голос, чтобы не слышали соседи по палате. — Скажу откровенно, Вы были просто восхитительны! Может, заглянете еще раз на чашечку кофе, когда меня выпишут?

И в глазах доцента мелькнул хищный блеск опытного соблазнителя.